

Научная статья

УДК 81'42

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2025-1/46-54>

Особенности взаимодействия текстовой скрепы «напротив» с союзом «и»

Павел Михайлович Тюрин

Дальневосточный федеральный университет,

Владивосток, Российская Федерация

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы,

tyurin.pm@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5000-9757>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности взаимодействия текстовой скрепы «напротив» с союзом «и». Данная текстовая скрепа часто вступает во взаимодействие с другими служебными словами, и союз «и» является одним из наиболее распространённых её «спутников». Используясь в сочетании с этим союзом, «напротив» может как сохранять самостоятельность, так и формировать новую текстовую скрепу «и напротив». Способность сочетаться с союзом «и» слово «напротив» сохраняет и при употреблении в формате скрепы-фразы. В этом случае всегда наблюдается формирование единой скрепы «и напротив».

Ключевые слова: текст, текстовая скрепа, скрепа-фраза, служебные слова, союз

Для цитирования: Тюрин П.М. Особенности взаимодействия текстовой скрепы «напротив» с союзом «и» // Дальневосточный филологический журнал. 2025. Т. 3, № 1. С. 46–54.

Original article

Interaction features of the text clip "opposite" with the conjunction "and"

Pavel M. Tiurin

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,

Department of Russian language and literature,

tyurin.pm@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5000-9757>

Abstract. The article examines interaction features of the text clip "opposite" with the conjunction "and". This text clip often interacts with other official words, and one of its most common "companions" is the conjunction "and". When used in combination with this conjunction, "opposite" can both maintain independence and form a new textual bond "and opposite". The ability to combine with the conjunction "and" retains the word "opposite" when used in the format of a clip phrase. In this case, the formation of a single clip "and opposite" is always observed.

Key words: text, text clip, clip phrase, official words, conjunction

For citation: Tiurin P.M. Interaction features of the text clip "opposite" with the conjunction "and". *Far Eastern Philological Journal*, 2025, vol. 3, no. 1, pp. 46–54. (In Russ.).

Текстовые скрепы являются одним из важнейших средств формирования внутритекстовых связей. Их основная функция заключается в реализации связности текста, однако эти языковые средства не образуют единого грамматического класса и при этом могут сочетать в себе самые разнообразные грамматические свойства и служебные функции, которые могут реализовываться как на уровне высказывания, так и на уровне текста. Кроме того, омонимами большого количества текстовых скреп являются слова знаменательных частей речи. Все эти факторы привели к тому, что текстовые скрепы долгое время не становились объектом серьёзных лингвистических исследований и рассматривались только в контексте пунктуации и анализа вводно-модальных слов, а их текстообразующие функции детально не изучались.

Целью данного исследования стало выявление особенностей сочетаемости текстовой скрепы и скрепы-фразы «напротив» с союзом «и». Достижению поставленной цели способствует **решение ряда задач:** рассмотреть функциональные возможности скрепы «напротив» и особенности сочетаемости её контекстных модификаций с союзом «и», выявить смысловые отношения между левым и правым контекстами скрепы «напротив» в условиях её сочетаемости с союзом «и», проанализировать влияние контекста на степень семантической слитности компонентов «и» и «напротив», а также влияние пунктуационного оформления и функционирования в формате скрепы-фразы на степень формальной слитности данных компонентов, выявить механизмы формирования единой текстовой скрепы «и напротив».

Материалом исследования послужили тексты различных функциональных стилей и жанров, извлечённые методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка и других источников.

Исследования текстовых скреп стали активно появляться только в последние десятилетия, однако достаточно большое количество подобных единиц уже получило разноаспектное описание. В частности, текстовым скрепам посвящены отдельные разделы в монографиях кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета [3; 5]. Выработаны и общие параметры описания текстовых скреп. Эта концепция нашла отражение в работе А.Ф. Прияткиной и Е.А. Стародумовой [7, с. 134–141]. Однако стоит отметить, что эти параметры могут незначительно варьироваться в зависимости от специфики конкретной текстовой скрепы.

В то же время полифункциональность рассматриваемых единиц, отсутствие у них единой грамматической природы создают определённые трудности их описания. Так, в лингвистике до сих пор нет единого термина для описания данных единиц. Термины «текстовая скрепа» и «скрепа-фраза» мы используем как наиболее удачные с опорой на работы А.Ф. Прияткиной, которая использует термин «текстовая скрепа» для описания лексико-фразеологических единиц, выражающих отношения между частями текста, а скрепами-фразами называет разновидность текстовых скреп, интонационно выделяемых в самостоятельное высказывание [6, с. 334–344]. Однако М.И. Черемисина называет скрепами любые служебные слова, формирующие сложное предложение [2, с. 179]. Для обозначения экспликаторов внутритекстовых связей могут использоваться термины «релятив» [4], «коннектор» [1, с. 125] и др.

Слово «напротив» можно в полной мере отнести к полифункциональным единицам, т.к. его юнкционные функции могут реализовываться и на уровне текста, и на уровне высказывания [8, с. 144]. При этом в тексте «напротив» может выражать отношения противопоставления (противопоставление двух ситуаций) в чистом виде и в сочетании с причинными отношениями, когда ситуацию, описанную в правом контексте скрепы, можно рассматривать не только как противопоставленную ситуации из левого контекста скрепы, но и как объясняющую её [8, с. 144].

Отличительной особенностью текстовой скрепы «напротив» является её способность сочетаться с достаточно широким кругом других служебных единиц – союзов и даже некоторых текстовых скреп, причём в таких сочетаниях может участвовать только вариант, эксплицирующий отношения противопоставления в чистом виде. Ни одного примера сочетаемости с другими служебными словами варианта, эксплицирующего одновременно отношения противопоставления и причинные отношения, нами обнаружено не было. Наиболее распространёнными являются сочетания «напротив» с союзами «и» и «но». Вот один из наиболее типичных случаев сочетания «напротив» с союзом «и»: *Сам стиль культурологического изложения в статьях «Путешествие Екатерины II в Крым как спектакль и проект» А.П. Люсого, «Колыска Чичикова, или о странствиях души» А.К. Якимовича и, особенно, «Радищев: попытка вернуться в Московскую Русь» В.К. Кантора таков, что перед читателем будто бы разворачивается герменевтический процесс разгадывания некой тайны культуры, протекающий нелинейно, с забегами вперед и возвращениями назад, с авторскими путешествиями от себя к себе, в ходе которых раскрывается Другой (Гоголь у Якимовича, Радищев у Кантора) и «другие» (Византийский текст русской культуры, «структурирующий» путешествие Екатерины в Крым, Крымский и Кавказский тексты русской литературы XIX века). **И, напротив,** особый характер линейности, своего рода аскетичность фактографического стиля некоторых текстов, прежде всего, упомянутого выше текста В.П. Шестакова и его статьи «Путешествие Екатерины Дашиковой в Англию и Шотландию», дают повод усомниться в тривиальном «объективизме» данных культурно-исторических исследований и предположить их аналитически-философскую «субстанцию» [НКРЯ].* В этом случае «напротив» противопоставляет ситуации в левом и правом контекстах текстовой скрепы: стиль культурологического изложения одой группы авторов протекает нелинейно и благодаря этому будто бы разворачивается как герменевтический процесс разгадывания некой тайны культуры, что, судя по всему, придаёт ему объективность, в то время как особый характер линейности, своего рода аскетичность фактографического стиля некоторых текстов другой группы авторов дают повод усомниться в тривиальном «объективизме» данных культурно-исторических исследований и предположить их аналитически-философскую «субстанцию». При этом нетрудно заметить, что «и» в данном контексте утрачивает самостоятельность и при исключении из контекста слова «напротив» логические связи в тексте разрушаются. В то же время нельзя говорить и о том, что «и» здесь становится усилительной частицей. Это текстовый союз, который показывает сосуществование двух ситуаций (в данном случае – двух подходов к описанию), но эти ситуации (подходы) противопоставлены, о чём свидетельствует наличие «напротив». Таким образом, можно говорить о том, что текстовый союз и скрепа здесь выступают как единый комплекс, который выражает два вида отношений между левым и правым контекстом (сосуществование и противопоставление) и позволяет в полной мере реализовать замысел автора.

В некоторых случаях союз «и» может сохранять значительно большую степень самостоятельности. Такой прогресс серьёзно расширил покупательскую географию Зелёнки, хотя предпочтение аукциона или рынка – дело вкуса. И там, и тут имеются свои плюсы и минусы. Многие владивостокцы распробовали аукционы. **И, напротив**, немало жителей других регионов по-прежнему предпочитают приехать во Владивосток и самогоном отправиться на свежескупленной «японке» восвояси – экстремальный вид спорта, называемый «путешествие по федеральной трассе» [Василий Авченко. Правый руль]. Здесь снова показаны две ситуации: с одной стороны – жители Владивостока стали чаще покупать автомобили на аукционах и меньше на авторынке «Зелёный угол», а с другой – жители других регионов по-прежнему приезжают на этот авторынок за машинами лично. Скрепой «напротив» автор, видимо, хотел показать, что такие типы поведения покупателей диаметрально противоположны, но при этом используется и союз «и», который говорит об одновременном сосуществовании этих двух типов поведения. При этом исключение «напротив» из контекста не приводит к полному разрушению логических связей и вызывает лишь утрату явной противопоставленности двух ситуаций (типов поведения покупателей), хотя это противопоставление можно компенсировать определённой интонацией.

Интересно заметить, что подобное явление может наблюдаться не только в тексте, но и в пределах одного высказывания, причём в простом предложении с однородными членами: *При сопоставлении с нормой к концу обучения фиксируется незначительное уменьшение доли латентной стадии и стадии реализации и, напротив, примерно такое же увеличение доли стадии контроля и коррекции* [НКРЯ]. В данном случае «напротив» противопоставляет разные группы результатов обучения – латентная стадия и стадия реализации с одной стороны и стадия контроля и стадия коррекции с другой стороны. При этом очевидно, что здесь союз «и» полностью сохраняет свою самостоятельность и может быть использован без «напротив», обозначая сосуществование двух групп результатов, но исключение последнего приведёт к утрате отношений противопоставления.

В рассмотренных выше примерах «напротив» отделяется от «и» запятой, что говорит о его формальной самостоятельности даже в тех случаях, когда «и» теряет свою самостоятельность и выстроить без «напротив» отношения между левым и правым контекстами не может. Однако определённая самостоятельность прослеживается и на семантическом уровне, т.к. каждый из компонентов выражает свой тип отношений между контекстами (противопоставление у «напротив» и сосуществование у «и»). Однако пунктуационное оформление текстовой скрепы может быть и иным.

Сила душевная может «разрывать» человека: в качестве примеров о. Васильев приводит Н.С. Лескова и его литературных героев, обладающих обостренным чувством справедливости, поиском евангельских соответствий, но при этом не способных смиренно принять реально существующую церковность. И напротив, сила душевная может сотворить человека святого [НКРЯ]. В данном случае «напротив» уже не отделяется от «и» запятой, что говорит об отсутствии формальной самостоятельности у данных компонентов и их объединении в единую текстовую скрепу. Правда, и в этом случае можно заметить, что данные компоненты сохраняют семантическую автономность, причём исключение «напротив» не разрушает логические связи между левым и правым контекстами полностью. Здесь показаны две противоположные ситуации: сила душевная может «разрывать» человека, т.е. фактически разрушать его,

но сила душевная может и сотворить человека святого, т.е. создать особый тип человека. Эти ситуации могут сосуществовать, хоть и являются в определённой степени противоположными, поэтому «напротив» здесь можно считать факультативным компонентом, который скорее подчёркивает, усиливает противопоставленность ситуаций. Таким образом, за каждым из компонентов закреплена экспликация определённых смысловых отношений между левым и правым контекстами, однако формально эти компоненты формируют одну текстовую скрепу.

Но смысловая самостоятельность «и» сохраняется далеко не всегда: *Мне нравится версия, по которой «Европа» восходит к ассирийскому «ер» (первое тысячелетие до н. э.), что означает «сумеречный», «вечер», «там, где заходит солнце», «запад». И напротив, «asis», означает «светлый», «блестящий», «утро», «там, где восходит солнце», «восток» [НКРЯ].* В данном случае автор стремился противопоставить Европу как нечто тёмное, мрачное и Азию как нечто светлое. Это противопоставление не является очевидным и без «напротив» теряется, т.е. «напротив» здесь не просто усиливает противопоставление, оно его напрямую выражает и не может быть исключено из контекста без ущерба для содержания. В качестве причины такой степени «обязательности» слова «напротив» по сравнению с предыдущим случаем можно назвать то, что там использовался лексический повтор (слово «сила») в сочетании с контекстными антонимами «разрывать» и «сотворить», которые в определённой мере могут эксплицировать отношения противопоставления. В последнем же примере противопоставляются в первую очередь Европа и Азия, что поддерживается только рядом слов, большинство из которых антонимами не являются, и такое противопоставление нельзя считать очевидным, для его формирования нужен специальный показатель, которым становится «напротив». Это говорит о том, что здесь видны и формальные, и семантические признаки формирования единой текстовой скрепы «и напротив».

Определение степени семантической самостоятельности «и» и «напротив» является достаточно трудной задачей, особенно это касается выявления условий, которые влияют на эту степень самостоятельности. Так, в примере *Почти все, кто занимался гуманитарными науками эпохи постмодернизма, были очень пессимистичны, говорили о крушении, ослаблении своих позиций. Только социологи были бодрыми. И напротив, очень оптимистичны были представители естественных наук, они говорили, что наконец-то освободились от своих ужасных пут* [НКРЯ] «напротив» может быть исключено без разрушения смысловых отношений между левым и правым контекстами, правда, для их сохранения нужна определённая интонация с акцентом на слове «оптимистичны», что не удастся реализовать в письменной речи. Здесь противопоставление эксплицируется не только антонимами, но и порядком слов, т.к. при исключении «напротив» с постановкой на первое место подлежащего приводит к полной потере противопоставления (ср.: *Почти все, кто занимался гуманитарными науками эпохи постмодернизма, были очень пессимистичны. И очень оптимистичны были представители естественных наук – Почти все, кто занимался гуманитарными науками эпохи постмодернизма, были очень пессимистичны. И представители естественных наук были очень оптимистичны*). Таким образом, степень самостоятельности компонентов текстовой скрепы «и напротив» зависит от лексического наполнения левого и правого контекстов, порядка слов и интонации (фразового ударения) в правом контексте. Формальная же самостоятельность связана с пунктуационным оформлением. В устной речи этому пунктуационному оформлению соответствует наличие или отсутствие достаточно длительной паузы между «и» и «напротив».

В редких случаях наблюдается включение в состав единой текстовой скрепы «и напротив» усилительной частицы «даже»:

Да, это чувство, это не мысль. Оно безлично, потому что движется не к лицу, не к духу, а к группе людей со свойственными этим людям повадками (мужик не любит шляпу интеллигента, я не люблю, что Стахович, член гос. совета, ест простоквашу, играет в футбол – чувство направлено на шляпу, на простоквашу, на красный широкий затылок «лечащегося» Стаховича, но не на лицо). И даже, напротив, это чувство исключает личное отношение [НКРЯ].

В приведённом примере элемент «напротив» является обязательным, т.к. отношения противопоставления выражает только он, однако в скрепу внедряется частица «даже», которая усиливает это противопоставление, позволяя добиться определённой степени экспрессивности. При этом «напротив» отделяется от остальных компонентов скрепы запятой, что, вероятно, продиктовано стремлением автора сделать акцент на этом слове, ещё больше усилив противопоставление. Это позволяет говорить о том, что формальный критерий разграничения единой текстовой скрепы «и напротив» и сочетания текстовой скрепы «напротив» с союзом «и» является недостаточным, и семантический критерий необходимо учитывать в первую очередь.

Обращают на себя внимание и другие немногочисленные примеры, в которых компоненты «и» и «напротив» целенаправленно разделяются автором формально с помощью тире:

Я понимаю, что ввести сословность сейчас – значит поделить страну на рабов и господ, опустить в рабство (и, может, даже не в рабство, а в смерть) остатки тех сословий: учителей, врачей, инженеров, – которые были созданы социальной стратификацией социализма, на которых держалась производительная жизнь общества. И – напротив, поднять до «аристократии» то отребье, что всплыло во время «рыночных реформ» [НКРЯ]. Элемент «напротив» здесь является факультативным, т.к. противопоставление поддерживается антонимами: *ввести сословность сейчас – значит поделить страну на рабов и господ, опустить в рабство остатки тех сословий, которые были созданы социальной стратификацией социализма. И – напротив, поднять до «аристократии» то отребье...* Очевидно, что «напротив» выполняет усилительную функцию (усиливает противопоставление, формирует определённую экспрессивность, которая поддерживается и лексикой). При этом здесь обязательным элементом становится «и», т.к. без него теряется взаимосвязь двух ситуаций (унизить кого-то и при этом возвысить другого), что может быть обусловлено наличием неполного предложения в правом контексте. Т.е. несмотря на формальное разделение «и» и «напротив» наблюдается очень высокая степень их семантической спаянности, поэтому даже в таких условиях можно говорить о формировании единой текстовой скрепы «и напротив».

Формирование текстовой скрепы «и напротив» может сопровождаться её функционированием в формате скрепы-фразы.

Но гораздо важнее увидеть другое: требования Закона что в Ветхом, что в Новом Завете могут привести к законничеству, к формализации жизни, а значит – к отпадению от святости. И напротив: как в Новом, так и в Ветхом Завете святость осуществляется через веру – осознанное устремление человека к Богу, а не формальное исполнение писанных или неписанных требований [НКРЯ].

Здесь «напротив» является обязательным элементом, т.к. без него отношения противопоставления полностью теряются. При этом пунктуационное оформление (наличие после

скрепы двоеочия) предполагает наличие достаточно длинной паузы, что соответствует наличию у «и напротив» позиции скрепы-фразы. Такая позиция скрепы только усиливает степень семантической и формальной слитности её компонентов.

Пунктуационное оформление при этом может варьироваться: *За такое глухое, непроходимое непонимание Матвеевых достоинств её следовало презирать, но у Матвея почему-то этого не получалось. И напротив – при Людкином появлении Матвей деревенел, слова застревали комом в горле, язык становился предательски неповоротлив; коленные, локтевые и прочие суставы утрачивали гибкость, и он с ужасом понимал, что превращается в бессмысленного тупого болванчика, в лучшем случае достойного равнодушия, а в худшем – жалости* [НКРЯ]. В данном примере отношения противопоставления реализованы только за счёт элемента «напротив» в составе скрепы-фразы, т.к. эти отношения не поддерживаются никакими другими лексико-грамматическими средствами. О позиции скрепы-фразы здесь говорит наличие после скрепы тире, которое соответствует интонационному оформлению с достаточно длительной паузой. Помимо этого, позиция скрепы-фразы в некоторых случаях предполагает постановку точки после скрепы: *Во всеобщем «безумии сынов человеческих» есть и доля твоей (как ты сладостно выразился) придурочности. Мир вечно тревожен и тем живет». И даже напротив того. Мы часто бываем неправдивы, чтобы не причинять друг другу излишней боли. Он же постоянно правдив»* [НКРЯ]. В данном примере представлен вариант «напротив того», который был достаточно распространён до начала XIX в., а в наши дни используется очень редко. Здесь «и напротив того» представляет единое целое, исключение одного из элементов которого разрушает связь между левым и правым контекстами. При этом для усиления экспрессивности используется внедрённая в состав скрепы частица «даже».

Таким образом, текстовая скрепа «напротив» в сочетании с союзом «и» может функционировать как самостоятельно, так и объединяться с ним в новую текстовую скрепу «и напротив». При этом можно говорить о семантической и формальной слитности компонентов скрепы «и напротив». Формальная слитность определяется интонационным и пунктуационным оформлением, а семантическая зависит от возможности исключения из состава скрепы одного из элементов без ущерба для связи между левым и правым контекстами. Такая возможность связана с лексико-грамматическим наполнением левого и правого контекстов, при этом наличие семантической слитности не всегда сопровождается формальными показателями единства «и напротив». Существенную трудность в разграничении сочетания скрепы «напротив» и союза «и» и единой скрепы «и напротив» создают случаи, когда компоненты единой скрепы разделяются пунктуационно и/или усилительной частицей «даже». В таких случаях в первую очередь, на наш взгляд, следует учитывать семантическую слитность, которая говорит о формировании единой скрепы с факультативными элементами, выполняющими усилительные, экспрессивные функции. Ещё одним формальным показателем единой текстовой скрепы «и напротив» является её функционирование в формате скрепы-фразы. При таком употреблении данной единицы во всех обнаруженных случаях зафиксирована и семантическая слитность.

Список литературы

1. Дресслер В. Синтаксис текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М.: Прогресс, 1978. С. 111–137.

2. Колосова Т.А., Черемисина М.И. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1987. 205 с.
3. *Лексикографические портреты служебных слов: монография* / Е.А. Стародумова, Е.С. Шереметьева, В.Н. Завьялов, Е.Н. Гускина, К.А. Журавлева, Г.М. Крылова, Т.В. Конченко, Н.Т. Окатова, Т.В. Петроченко, А.Ф. Прияткина, И.В. Семенова, Г.Н. Сергеева, И.Н. Токарчук, П.М. Тюрин, З.В. Шереметьева, Е.А. Шнырик, Вэй Хуэйминь, Лан Шо, Ли Ляньмэй, Сон Ен Иль; отв. ред.: Е.А. Стародумова, Е.С. Шереметьева, В.Н. Завьялов. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2022. [322 с.]. ISBN: 978-5-7444-5325-1. Текст: электронный. DOI: <https://doi.org/10.24866/7444-5325-1>
4. Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. М.: Наука, 1986. 200 с.
5. *Служебные слова в лексикографическом аспекте: монография* / Е.А. Стародумова, В.Н. Завьялов, Е.С. Шереметьева, И.Н. Токарчук, Г.М. Крылова, Г.Н. Сергеева, Е.А. Шнырик, А.Ф. Прияткина, Н.Т. Окатова, Г.Д. Зайцева, П.М. Тюрин, Е.В. Откидыч, Т.В. Конченко, В.В. Гавриленко; отв. ред. Е.С. Шереметьева, Е.А. Стародумова, П.М. Тюрин. Электрон. дан. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2017. 1 CD-ROM. Систем. требов.: процессор с частотой 1,3 ГГц (Intel, AMD); оперативная память от 256 МБ, Windows (XP; Vista; 7 и т.п.). Загл. с экр.
6. Прияткина А.Ф. Текстовые «скрепы» и «скрепы-фразы» (о расширении категории служебных единиц русского языка) / Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции). Избранные труды. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. С. 334–344.
7. Прияткина А.Ф., Стародумова Е.А. Текстовые скрепы в «Словаре служебных слов» // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 134–141.
8. Тюрин П.М. Полифункциональная единица «напротив» в современном русском языке // Казанская наука. 2024. № 1. С. 143–145. URL: <https://www.kazanscience.ru/ru/sbornik>. (дата обращения: 28.12.2024).

References

1. Dressler V. Text syntax. *New in foreign linguistics*. Issue 8. Moscow: Progress, 1978, pp. 111–137. (In Russ.).
2. Kolosova T.A., Cheremisina M.I. Essays on the theory of complex sentences. Novosibirsk: Nauka: Siberian Branch, 1987. 205 p. (In Russ.).
3. *Lexicographic portraits of official words: monograph* / E.A. Starodumova, E.S. Shermetyeva V.N. Zavyalov, E.N. Guskina, K.A. Zhuravleva, G.M. Krylova, T.V. Konchenko, N.T. Oka-tova, T.V. Petrochenko, A.F. Priyatkina, I.V. Semenova, G.N. Sergeeva, I.N. Tokarchuk, P.M. Tyu-rin, Z.V. Sheremetyeva, E.A. Shnyrik, Wei Huimin, Lan Sho, Li Lianmei, Song Yong Il; ed.: E.A. Starodumova, E.S. Shermetyeva, V.N. Zavyalov. Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern Federal University, 2022. [322 p.]. ISBN: 978-5-7444-5325-1. Text: electronic. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24866/7444-5325-1>
4. Lyapon M. V. Semantic structure of a complex sentence and text. On the typology of intertextual relations. M.: Nauka, 1986. 200 p. (In Russ.).

5. *Official words in the lexicographic aspect: monograph* / E.A. Starodumova, V.N. Zavyalov, E.S. Sheremetyeva, I.N. Tokarczuk, G.M. Krylova, G.N. Sergeeva, E.A. Shnyrik, A.F. Priyatkina, N.T. Okatova, G.D. Zaitseva, P.M. Tyurin, E.V. Otkidych, T.V. Konchenko, V.V. Gavrilenko; ed. by E.S. Sheremetyeva, E.A. Starodumova, P.M. Tyurin. Electron. dan. Vladivostok: Far Eastern Federal University, 2017. (In Russ.).
6. Priyatkina A.F. Textual "clips" and "clips-phrases" (on expanding the category of service units of the Russian language). *Russian syntax in the grammatical aspect (syntactic relations and constructions). Selected works*. Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern Federal University, 2007. P. 334–344. (In Russ.)
7. Priyatkina A.F., Starodumova E.A. Textual clips in the "Dictionary of official words". *Siberian Journal of Philology*, 2015, no. 2, pp. 134–141. (In Russ.).
8. Tiurin P. M. The multifunctional unit "opposite" in modern Russian. *Kazan Science*, 2024, no. 1, pp. 143–145. URL: <https://www.kazanscience.ru/ru/sbornik>. (accessed: 28.12.2024). (In Russ.).

Статья поступила в редакцию / Received 10.02.2025

Одобрена после рецензирования / Revised 11.02.2025

Принята к публикации / Accepted 13.02.2025